

Э. Б. Крылова

ДАТСКИЕ МОДАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ И ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ

Введение

Обращаясь в одной из своих статей к анализу значений датских модальных глаголов, Б. С. Жаров справедливо замечает, что данным глаголам, определению их лексической и прагматической семантики, а также анализу их морфологических и синтаксических свойств посвящены исследования целого ряда отечественных и зарубежных языковедов¹. Однако до сих пор в лингвистической литературе ведутся споры не только об их морфологических и семантико-синтаксических особенностях, но даже об их количественном составе.

По оценкам датских исследователей, число модальных глаголов в датском языке варьируется от 6 до 8, что объясняется различием принципов, лежащих в основе их выделения у разных авторов. В соответствии с традиционной датской грамматикой определяющим критерием такого выделения является синтаксический принцип, по которому к модальным относятся все глаголы, способные присоединять инфинитив другого глагола без приинфинитивной частицы: *behøve, burde, gide, kunne, måtte, skulle, turde, ville*².

¹Жаров Б. С. О двух видах модальности в значении модальных глаголов // *Philologica Scandinavica*: Сб. ст. / Отв. ред. Б. С. Жаров. СПб., 2003. С. 66.

²*Mikkelsen K.* Dansk Ordføjningslære. København, 1975 (1911). S. 349; *Brandt S.* Modal verbs in Danish. København, 1999. S. 24; *Boye K.* Modalitet, evidentiali og epistemicitet. Odense, 2001. S. 21; *Jensen T. J.* Irrealitetsmarkører i dansk talesprog. En korpuslingvistisk undersøgelse

Некоторые лингвисты, помимо данного критерия, учитывают другие морфологические и синтаксические особенности модальных глаголов и, исходя из них, исключают из приведенного выше списка то глагол *behøve*³, то глаголы *gide* и *turde*⁴.

В новой академической «Грамматике датского языка» Э. Хансен и Л. Хельгофт формируют четыре основных критерия выделения группы модальных глаголов в датском языке:

- морфологическое отличие презентной формы глагола с нулевой флексией от всех остальных форм (*kan* — *kunne*, *kunne*, *kunnet*), а также отсутствие формы императива;
- управление инфинитивом другого глагола без приинфинитивной частицы;
- отсутствие влияния на синтаксическую модель предложения;
- принадлежность к семантическому полю «возможность — необходимость»⁵.

Согласно перечисленным критериям, авторы «Грамматики» выделяют группу «прототипичных» модальных глаголов, полностью удовлетворяющих всем четырем признакам: *kunne*, *måtte*, *skulle* и *burde*. К числу модальных Э. Хансен и Л. Хельгофт также относят глагол *behøve*, который, однако, не удовлетворяет морфологическому критерию, т. к. в ряде случаев присоединяет «*at-infinitiv*», а также глагол *ville*, имеющий, по мнению авторов, достаточно «тонкую связь с системой модальных глаголов», поскольку в своем футуральном значении он фактически является вспомогательным глаголом для образования формы будущего времени и поэтому не удовлетворяет четвертому из приведенных выше критериев. В своем же основном значении волеизъявления глагол *ville* требует употребления одушевленного субъекта и, таким образом, равно как и глаголы *gide* и *turde*, не удовлетворяет третьему из перечисленных критериев⁶.

af hvis-konstruktioner og modalverber i medarbejdersamtaler og sociolingvistiske interview. Ph.d.-afhandling. Institut for Nordiske studier og Sprogvidenskab. København, 2005. S. 45.

³ *Wiwel H. G.* Synspunkter for Dansk Sproglære. København, 1901. S. 152; *Hansen A.* Moderne Dansk. København, 1967. Bd. III. S. 12; *Diderichsen P.* Elementær dansk grammatik. 3. udg. København, 1974 (1946). S. 62.

⁴ *Hansen E.* Behøver vi at? // *Nyt fra Sprognævnet*. N 19. København, 1977. S. 2.

⁵ *Hansen E., Heltoft L.* Grammatik over det danske sprog. Kapitel 4–6. Det verbale system. Foreløbig udgave. København, 1999. S. 146.

⁶ *Ibid.*

Помимо отсутствия форм императива, модальные глаголы не образуют форм причастия настоящего времени и форм пассива, а также крайне редко встречаются в форме инфинитива. Однако для глагола *kunne*, частота употребления которого, по подсчетам датских исследователей, значительно превосходит (45,9%) частоту употребления следующих за ним *skulle* (28,6%), *ville* (15,6%) и *måtte* (4,9%), большая часть данных признаков оказывается наименее релевантной, возможно, именно из-за его широкой распространенности в речи⁷.

В рамках данной статьи хотелось бы подробнее остановиться на анализе некоторых прагматических особенностей модальных глаголов *kunne*, *skulle*, *måtte*, не вызывающих никаких сомнений в том, что они относятся к группе модальных. Наибольшее внимание исследователей, пожалуй, привлекает способность их финитных форм образовывать устойчивые грамматизованные сочетания с инфинитивом I, II другого глагола, прагматическая семантика которых не может быть выведена из лексических значений их составляющих, а определяется методами прагматического и контекстуального анализа:

- 1) Hun *kan være gift*.
'Возможно, она замужем'.
- 2) Jeg forstod at alle nu *måtte have hørt* historien om min redning.
(N. Brunse)
'Я понял, что все, должно быть, уже слышали историю моего спасения'.
- 3) Manden *skal have dræbt* sin kone. (TV2)
'Говорят/по сообщениям, мужчина убил свою жену'.

Ограничение списка рассматриваемых в данной статье модальных глаголов названными тремя объясняется тем, что, по результатам проведенного исследования, только значения, выражаемые конструкциями с данными глаголами, можно отнести к проблематическому типу эпистемической модальности.

⁷Jensen T. J. Irrealitetsmarkører i dansk talesprog. En korpuslingvistisk undersøgelse af hvis-konstruktioner og modalverber i medarbejdersamtaler og sociolingvistiske interview. Ph.d.-afhandling / Institut for Nordiske studier og Sprogvidenskab. København, 2005. S. 182.

В задачи данной статьи входит функционально-семантический анализ грамматизованных устойчивых сочетаний *kunne/måtte/skulle* + *Infinitiv I, II* и сопоставление их с эпистемическими характеристиками датских модальных частиц, также являющихся средствами выражения проблематической модальности:

pok — конклюдив 1-го л., выражающий гипотетическое *умозаключение* говорящего, отвечающего за него перед слушающим;

vel — экспликатив 2-го л., выражающий гипотетическое *объяснение* говорящим сложившейся ситуации в расчете на его принятие слушающим;

vist — ситуатив 3-го л., выражающий *косвенную засвидетельствованность* и указывающий на наличие некоего источника информации⁸.

1. Kan / kunne + Infinitiv I, II

Грамматизованные устойчивые сочетания *kan/kunne* + *Inf. I, II* относятся к средствам выражения пропозициональной установки говорящего, т. к. используются для выражения его гипотезы о достоверности содержания пропозиции:

- 4) Malaria *kan være på* vej til Danmark. (NA-avis)
'Малярия, возможно, на пути в Данию'.
- 5) Den altødelæggende brand *kan være påsat*. (BT-avis)
'Причиной такого всепожирающего пожара, возможно, был поджог'.

Говорящий не знает, каково действительное положение дел, что, собственно, и «является условием речевого акта гипотезы»⁹. Однако в рамках речевого акта гипотезы можно выделить такие ее виды, как «логическое умозаключение, догадка или допущение»¹⁰.

⁸ Крылова Э. Б. Прагматическая семантика и коммуникативные функции модальных частиц *pok, vel* и *vist* в датском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004; *Durst-Andersen P.* Det danske sprogs mange stemmer. København, 2007. S. 75 (в печати).

⁹ Бульгина Т. В., Шмелев А. Д. Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992. С. 131.

¹⁰ Там же. С. 132.

Предложение говорящего слушающему рассмотреть данную пропозицию как гипотетически возможную предполагает наличие алетической возможности как разновидности онтологической модальности, более «объективной», как отмечает Б. С. Жаров¹¹. Значение гипотезы, выражаемое модальной конструкцией с *kunne*, можно охарактеризовать как *гипотетическое объяснение* сложившейся ситуации, которое говорящий допускает как объективно возможное:

- 6) Det undrede mig at hun kunne smile mens hun omtalte sin fars død, men manden *kunne* jo have været en slynger... Det *kunne* også være en reaktion mod sorgen (Nielsen)

‘Меня удивляло то, что она могла улыбаться, говоря о смерти отца, но тот ведь, возможно, был сорви голова... А может, это была реакция на горе’.

Модус «эпистемической возможности»¹², или, точнее, «модус допущения»¹³, показателем которого является конструкция с *kunne*, допускает наличие других возможностей (6) и оставляет слушающему свободу выбора, а говорящему — «свободу отречения»¹⁴:

- 7) *Kan det være sket noget? Sludder og vrøvl.* (Hansen)

‘Может, что-то случилось? Чушь и ерунда’.

Значение *объяснения* говорящим сложившейся ситуации сближает гипотетическую конструкцию с *kunne* с экспликативом *vel*, однако, допущение говорящим такого объяснения *как одного из ряда возможных* отличает объяснение, выражаемое *kan/kunne + Inf. I, II*, от объяснения, *предлагаемого говорящим к принятию слушающим* и выражаемого частицей *vel*:

- 8) I Rom har man *vel* også været optaget af disse problemer... (avis)

‘В Риме, наверное, тоже были озабочены этими проблемами...’

¹¹ Жаров Б. С. О двух видах модальности в значении датских модальных глаголов // *Philologica Scandinavica*: Сб. ст. / Отв. ред. Б. С. Жаров. СПб., 2003. С. 67.

¹² Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: Учебник. М., 2000. С. 243.

¹³ Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999. С. 408–440.

¹⁴ Там же. С. 412.

- 9) Og i Rom kan de have hørt om det store Egypten... (avis)
'А в Риме они, возможно, слышали о великом Египте...'

Как видно из приведенных примеров, модальная частица *vel* вносит в высказывание значение *гипотетического объяснения* ситуации, которое говорящий предлагает рассмотреть слушающему и рассчитывает на его принятие. Функция вовлечения говорящим слушающего в решение данного вопроса позволила отнести *vel* к *гипотетическим экспликативам 2-го л.*¹⁵.

Глагольная конструкция *kan+Infinitiv I, II* эксплицирует в (9), (10) эпистемическое значение *допущения говорящим предложенного слушающему объяснения как одного из объективно возможных*, при этом анализируемое средство можно также отнести к *гипотетическим экспликативам 2-го л.*, поскольку ответственность за выбор именно данной пропозиции как возможного объяснения ситуации практически перекладывается говорящим на слушающего:

- 10) Det fortælles at dørene i Porta Salaria ikke var lukket ordentligt, måske på grund af forræderi — det kunne være slaver, som for at hævne sig på deres herrer samarbejdede med fjenden — eller måske andre gotiskvenlige kredse...
'Рассказывают, что двери в Порта Салариа не были закрыты как следует, может быть из-за предательства, — возможно, это были, рабы, которые, чтобы отомстить своим господам, сотрудничали с врагом — или, может быть, другие круги римлян, симпатизировавшие готам'.

Таким образом, грамматизованное сочетание *kunne + Infinitiv I, II* отличается от модальной частицы *vel* более объективной разновидностью гипотетического значения объяснения:

Vel — *субъективный гипотетический экспликатив 2-го л.*, выражающий значение гипотетического объяснения ситуации говорящим, которое он предлагает к принятию слушающему;

Kunne + Infinitiv I, II — *объективный гипотетический экспликатив 2-го л.*, выражающий значение гипотетического объяснения сложившейся ситуации, допускаемого говорящим к рассмотрению слушающим как одного из объективно возможных.

¹⁵ Krylova E. Epistemisk polyfoni i danske modalpartikler // Sproglig polyfoni. Arbejdsrapport. 2005. 4. S. 86.

2. Må / måtte + Infinitiv I, II

Устойчивые грамматизованные сочетания *måtte* + *Infinitiv I, II* также относятся к средствам пропозициональной установки говорящего и вносят в высказывание одно из значений проблематической модальности, поскольку говорящий высказывает недостоверную информацию:

- 1) ...bordet er der, så en eller anden *må have skabt* bordet. Verden er her, så 'en eller anden' *må have skabt* den...
'...там есть стол, значит кто-то, должно быть, создал его. Мир существует, значит кто-то, должно быть, сотворил его'.

Как видно из приведенного примера, гипотеза, выражаемая конструкцией *må have skabt*, является логическим умозаключением говорящего. Это позволяет отнести грамматизованное сочетание *måtte* + *Infinitiv I, II* к *гипотетическим конклюдивам I-го л.*, что сближает его с функционально-семантической характеристикой модальной частицы *nok*:

- 2) Min far blinkede til mig. Vi havde *nok* tænkt på det samme i samme øjeblik. (Ulrik Gräs)
'Папа подмигнул мне. Скорее всего, мы подумали в один и тот же момент об одном и том же'.
- 3) ...så jeg op og mødte et stift forskrækket blik fra en knægt på seks-syv år, der *måtte være kommet* ned for at tage imod os. (N. Brunse)
'...я посмотрел наверх и встретил неподвижный испуганный взгляд парнишки лет шести-семи, который, должно быть, спустился к причалу, чтобы встретить нас'.

Однако гипотетическое умозаключение говорящего, эксплицируемое модальной конструкцией с *måtte*, как видно из приведенных примеров, отличается от гипотетического умозаключения, выражаемого частицей *nok*, большей объективностью, поскольку строится на воспринимаемых им факторах объективного мира. Не случайно в большинстве контекстов употребления конструкции *måtte* + *Infinitiv I, II* присутствуют указания на объективные причины, позволившие говорящему сделать логическое умозаключение о достоверности вводимой им пропозиции. Чаще всего подобные указания содержатся в контексте, предшествующем гипотетически достоверной пропозиции, или в следующих за ней предложениях, вводимых причинными союзами *fordi*, *for*, *thi*:

- 4) Da drømte han at han kom til et bryllup, men det *måtte være* i himlen, *thi der var adskillige engle med...* (V. Sørensen)
 ‘Тогда ему приснилось, что он на какой-то свадьбе, но она, должно быть, была на небе, поскольку там были всевозможные ангелы...’
- 5) ...og den gamle *må have hørt* lidt sand skride eller en knist knække, *for han lytter og lægger hovedet tilbage og vejrer som en hund* (H. Lyngby Jepsen)
 ‘...и старик, должно быть, слышит скрип песка или хруст ветки, потому что он прислушивается и, откинув голову назад, принимает, как собака’.

Данные контекстные условия позволили некоторым исследователям сделать вывод о том, что конструкция *måtte*+ *Infinitiv I, II* занимает пограничную позицию между гипотетичностью и эвиденциальностью, т. е. «кодирует эвиденциальность»¹⁶. Однако за эксплицируемым конструкцией гипотетическим умозаключением стоит говорящий, отвечающий за нее перед слушающим. Некоторая объективная обусловленность такого умозаключения, приводимая говорящим в свое оправдание, сигнализирует слушающему, что прийти к такому умозаключению мог бы и кто-нибудь другой на его месте.

Таким образом, грамматизованное устойчивое сочетание *måtte* + *Inf. I, II* является *объективным конклюдивом 1-го л.*, прагматическая семантика которого может быть определена как объективно обусловленное гипотетическое умозаключение говорящего. Отличие гипотетического умозаключения модальной конструкции *måtte* + *Inf. I, II* от гипотетического умозаключения модальной частицы *nok* проходит, как и в паре гипотетических экспликативов *vel* — *kunne* + *Inf. I, II*, по шкале «субъективность — объективность».

3. Skal / skulle + Infinitiv I, II

Употребление в предложении модальной конструкции *skulle* + *Inf. I, II*, как показывает анализ материала, изменяет эпистемическую модальность содержания пропозиции, вводя ее как чужое высказывание:

¹⁶ *Glismann O.* Om tid og tempus. Et forsøg på en fænomenologisk forståelse af de verbale tempusformers betydning // *Nydanske Studier og Almen Kommunikationsteori* (NyS). 16–17. København, 1986. S. 237-257

- 1) Frie Danske Nationalister er blot en måned gammel, men har allerede hentet flere aktivister fra Dansk Fronts lokaledelse på Fyn... En afdeling i Jylland *skulle være på vej*... (avis)
'Движению «Свободные датские националисты» только месяц, но на их сторону уже перешли активисты руководства фюнского филиала движения «Датский фронт». Говорят, следующим будет отделение в Ютландии'.

Говорящий не располагает необходимыми данными о достоверности передаваемой им информации, но сообщает ее слушающему, сигнализируя специальными средствами, что он в ней не уверен. Значения неуверенности, как и гипотетические значения, относятся к проблематическому типу эпистемической модальности¹⁷ и характеризуются в научной литературе как эвиденциальные.

Под эвиденциальностью понимается указание на источник информации, на основании которого говорящий делает то или иное утверждение. Значения неуверенности могут передаваться двумя видами эвиденциалов — перцептивными и пересказывательными. В рамках пересказывательности, в свою очередь, выделяются значение «*отчуждения*», т. е. отмежевания от чужого высказывания, значение *сомнения* говорящего в достоверности передаваемой им информации и значение *предположения* говорящего о ее достоверности¹⁸.

Говорящий, используя модальную конструкцию *skulle + Inf. I, II*, сигнализирует слушающему, что не может отвечать за передаваемую им информацию, т. к. она получена из некоего источника, который часто не указывается. Все это позволяет отнести анализируемую конструкцию к пересказывательным эвиденциалам:

- 2) Manden *skal* både i en lejlighed i København og på en p-plads *have forlangt*, at kvinden betalte ham 250.000 kr. (B. T.)
'Мужчина будто бы и в квартире в Копенгагене, и на автостоянке требовал, чтобы...'

Значение пересказывательного эвиденциала является общим для анализируемой конструкции и одного из выделяемых эвиденциаль-

¹⁷ Palmer F. R. Mood and Modality. Cambridge, 1986.

¹⁸ Отин Е. С. О субъективных формах передачи чужой речи // Русский язык в школе. 1996. № 1.

ных значений модальной частицы *vist*. Ситуатив 3-го л. *vist* вводит пропозицию, передаваемую с чужих слов говорящим, который, однако, верит в ее достоверность, тогда как использование говорящим эвиденциальной конструкции *so skulle* свидетельствует об отмежевании говорящего от чужого высказывания, тем самым он как бы ограничивает свою ответственность перед слушающим рамками передачи чужой информации. В свое оправдание говорящий сигнализирует слушающему о наличии источника передаваемой им информации или какого-нибудь третьего лица, кто мог бы ее подтвердить:

- 3) Det var *vist* hendes datter, den tykke, grimme, der engang havde sagt, at hun havde ammet hende med giftig mælk. (Korpus 2000)
‘Вроде ее дочь, толстая уродина, сказала как-то, что та кормила ее своим ядовитым молоком’.
- 4) Og efter at have udnævnt de ansvarlige ministre *skulle* kongen *have sagt*: Nu kan jeg vel sove så længe, som jeg gider!
‘А после назначения ответственных министров король, говорят/де, сказал: «Теперь я, наверное, смогу спать столько, сколько пожелаю’.

Если *vist* вносит в высказывание значение *неуверенного припоминания* говорящего о некогда слышанном¹⁹: *кто-то мне как-то говорил, что... но я точно не помню / не уверен / могу ошибаться*, то эвиденциальная конструкция *skulle + Inf. I, II* эксплицирует значение *отчуждения* говорящего от передаваемой информации, слышанной им в реальной ситуации, но за достоверность которой он не может отвечать: *мне сказали, что..., но я сам этого не видел / не слышал / не уверен, что это так*. Значение отчуждения, эксплицируемое эвиденциальной конструкцией *skulle + Inf. I, II*, часто не позволяет определить отношение говорящего к содержанию высказывания, главной же целью использования им ситуатива *skulle + Inf. I, II* является передача чужой информации адресату, отмежевание от нее и указание на наличие некоего источника данной информации. Этим объясняется предпочтительное использование объективного ситуатива 3-го л. в сообщениях средств массовой информации:

¹⁹ *Jacobsen H. G. Vist og nok. Om et par formodningsord i dansk // Mål og Mæle. 1992. Årg. 2/15. S. 14.*

5) Som Henry Ford *skal have sagt* efter lanceringen af den første masseproducerede bil: Hvis jeg havde spurgt folk, hvad de ønskede sig, så havde de sagt «hurtigere heste».

Как, говорят, сказал Генри Форд после пуска в массовое производство первого автомобиля: «Если бы я спросил у людей, чего бы они себе пожелали, то они бы ответили: “Более быстрых лошадей”».

Таким образом, различие между пересказывательными эвиденциалами *vist* и *skulle* + *Inf. I, II* заключается в том, что:

- модальная частица *vist* является *субъективным ситуативом 3-го л.*, т. к. выражает неуверенное припоминание говорящего о некогда полученной информации, в достоверность которой он сам верит, но сигнализирует слушающему о некоем третьем лице, способном подтвердить ее и разделить с ним ответственность за ее достоверность;
- модальная конструкция *skulle* + *Inf. I, II* является *объективным ситуативом 3-го л.*, т. к. выражает значение отчуждения говорящего от пересказываемой информации, полученной им в определенной ситуации, часто от конкретного лица, ответственного за ее достоверность.

Заключение

Итак, проведенный в статье функционально-семантический анализ модальных конструкций с глаголами *kunne/måtte/skulle* + *Infinitiv I, II* позволил отнести их к группе средств проблематического типа эпистемической модальности, т. к. все они эксплицируют различные значения недостоверности: модальные конструкции с глаголами *kunne* и *måtte* выражают два вида гипотез, а конструкции с глаголом *skulle* — неуверенность. Проведенный анализ позволил дать прагмасемантическую характеристику исследованных модальных конструкций:

måtte + *Infinitiv I, II* — объективный гипотетический конклюдив 1-го л.;

kunne + *Infinitiv I, II* — объективный гипотетический экспликатив 2-го л.;

skulle + *Infinitiv I, II* — объективный эвиденциальный ситуатив 3-го л.

Выявленные при этом функционально-семантические различия внутри данной группы эпистемических средств, как и различия в группе модальных частиц, позволяют выстроить эпистемическую парадигму, подтверждающую своеобразный «закон дискурса»: если говорящий (1-е л.) не берет на себя эпистемической ответственности за достоверность пропозиции и нет кого-нибудь третьего (3-е л.), кто может взять ее на себя, то говорящий возлагает эту ответственность на собеседника (2-е л.)²⁰.

Сопоставление группы эпистемических средств проблематической модальности, представленных модальными конструкциями *kunne/måtte/skulle* + *Infinitiv I, II*, с аналогичными средствами, представленными модальными частицами *nok, vel* и *vist*, позволило конкретизировать и разграничить их эпистемические значения по шкале «субъективность — объективность», исключить их синонимичность и взаимозаменяемость в пределах выражения одного типа проблематичности. Все это подтверждает выводы П. Дурст-Андерсена о наличии субъективного и объективного голосов, между которыми должен выбирать говорящий, чтобы маркировать статус передаваемой информации в датском языке²¹.

Результаты проведенного анализа подтверждают наше предположение о том, что эпистемическая модальность представляет собой многоплановую систему значений, выражаемых различными группами средств, в зависимости от того, строит ли говорящий данную пропозицию, основываясь на чисто субъективных ощущениях или на каких-то объективных факторах.

²⁰ Nølle H. Polyfoni. En sprogteoretisk indføring // ARK. 1989. 48. S. 51.

²¹ Durst-Andersen P. Det danske sprogs mange stemmer. S. 75.